

Разве этот человек когда-нибудь сидел в кресле уже, чем в эконо-классе?

Дэниел мог с уверенностью сказать — нет. Заставить Алека Уокера испытать что-то подобное можно было считать достижением само по себе.

— Так что, теперь ты понимаешь разницу между уличной трассой и высокоскоростной трассой?

— В какой-то степени. Я немного изучал это, наблюдая за твоими гонками, мистер Дэниел.

Он не мог посмотреть все семь лет гонок, так что, возможно, речь шла о нарезках в интернете. И даже это уже казалось почти трогательным изменением.

Вдруг мужчина приподнял брови и громко рассмеялся, будто вспомнил что-то приятное.

— Я смотрел твою дебютную гонку, когда тебе было двадцать, мистер Дэниел. Это было занимательно.

— ...Ты про ту, что была с командой Silverbullet?

— Да. Очень впечатляюще.

Fernandit Silverbullet была командой, в которой дебютировал Дэниел — командой, которой никак не удавалось выбраться из нижней части таблицы.

Их результаты годами оставались настолько стабильными в своей посредственности, что люди насмехались: достаточно просто покрасить машину в серебро, поставить двигатель уровня F2 и добавить модную ливрею — и получится болид Silverbullet.

Это также была команда, которая больше всего ценила фамилию Линдберг.

В двадцать лет, не имея времени на раздумья, Дэниел подписал контракт с Silverbullet для дебюта. Он остро прочувствовал совет Рика, проходя через тяжёлую «инициацию», управляя машиной с худшей производительностью среди всех болидов.

Его целью в дебютной гонке было просто финишировать. Дэниел занял 18-е место из 20.

Это была незабываемая позиция. Поскольку две машины сошли с дистанции, фактически он оказался последним. Для Дэниела, который в F2 возвышался над другими, это был момент, ясно показавший жестокую реальность Формулы-1.

Он видел ту гонку. Дэниел ожидал язвительной критики, но Алек легко разрушил это ожидание.

— Тогда твой стиль вождения был таким же, как сейчас.

— ...Мой стиль?

— Упрямое сопротивление, цепляние за трассу, будто ты плывёшь до самого финиша. Ты тащил болид с отчаянием, не желая сдаваться, и каким-то образом завершал гонку.

— ...

— Это выглядело как доказательство того, что ты как пилот почти не изменился.

Это была та же жёсткая оценка, которую Алек Уокер бросил в тот день, когда его раздражала гонка Дэниела — борьба из последних сил ради победы.

Но странным образом Дэниел не разозлился.

— ...Это была моя дебютная гонка. Моя цель была просто финишировать, а не побеждать. Как новичка, меня бы выгнали за разбитый болид.

Человек перед ним не изменился ни на йоту — всё так же давил, загонял его в угол, преследовал даже здесь, в самолёте до Барселоны, сидя рядом и бросая свои мрачные шутки про «курятник» и «бойню».

Так почему же он вообще так серьёзно с ним разговаривает? Почему не злится?

Возможно, изменился не только Алек Уокер. Дэниел замолчал, пряча неловкость.

Ядовитый гриб, запертый в курятнике, не упустил шанс придавить лягушке нос.

— Конечно, эпизод в следующей гонке, где ты сцепился с напарником и пробил шину, тоже был незабываемым.

— Заткнись, чёрт возьми. Я только успел об этом забыть...!

— А на пресс-конференции, когда прозвучал вопрос о твоём отце, ты без колебаний подал сигнал камере на монтаж — это было уморительно.

— Пожалуйста, просто...!

— А то, как ты саркастично ответил на радиопроверку о проблемах с машиной, спросив, с чего тебе вообще начать, тоже было забавно. Двадцать лет — определённо возраст дерзости.

Вопрос длился всего мгновение. Перечисление Алеком позорных эпизодов дебютного периода Дэниела, почти как тёмная хроника, заставило его лицо покраснеть до цвета спелого инжира.

Он не был так плох, как Марсель, но у Дэниела тоже был период новичка — время, когда ему казалось, что мир рухнет, если он уступит или проиграет.

Представление в индустрии о том, что пилоту Формулы-1 нужна сильная гордость и горячий характер, спасло его; иначе его могли бы выгнать как заносчивого выскочку.

Их перепалка затихла только тогда, когда подошла стюардесса и попросила говорить тише ради других пассажиров.

Облокотившись на подлокотник, Алек выглядел заметно довольным. В отличие от него, смятое выражение лица Дэниела, словно подтверждающее закон сохранения массы и энергии, было на грани распада.

— В твоём пути много противоречий, мистер Дэниел. Почему ты дебютировал в такой команде?

— Не думаю, что ты не знаешь моей истории. Очевидно же. Это был единственный вариант, который у меня был.

— Ты про то, как ты отказался от места резервного пилота Ferrari?

Вот видишь. Ты ведь и так знал.

Дэниел с трудом сдержал желание ткнуть пальцем в бесстыжее лицо мужчины. Он произнёс правду, которую редко кому-то говорил.

— Да. Я свергну своего отца.

— ...

— Для других может казаться, что у меня многое есть. Но это не так. Вещи редко бывают такими, какими кажутся, правда?

На Востоке есть проклятие под названием кодоку. Десятки ядовитых змей помещают в большую банку и оставляют пожирать друг друга, пока не останется одна. Ненависть последней выжившей используют для проклятия.

Ненависть, которую носил Дэниел, была похожа на это.

«Ненависть» — слишком лёгкое слово. Как и «обида». Сказать, что он не может простить или держит на отца злобу, слишком обобщённо. Решимость, выкованная в процессе, где он пожирал и был пожираем, пока не остался один, была непоколебимой.

Дэниел Линдберг отвергает всё, что связано с его приёмным отцом. Какими бы великими ни были его достижения, он уничтожит их все. Он хочет превратить в руины всё, где стоял этот человек, сжечь в пепел каждое его дыхание. Это чувство, эта злоба — не для кого угодно.

Эта решимость, как жёсткий позвоночник, долгое время удерживала Дэниела в гонке.

— Мне нечего сказать, если ты назовёшь меня глупым. Но для меня это не было бессмысленно.

Лицо Дэниела, до этого кислое, как испорченный апельсин, слегка смягчилось.

— Там я встретил Адама и своих нынешних напарников. Мы вместе перешли в другую команду, и та развалилась — было хаотично, но сейчас я думаю, что всё, что было хорошим, — действительно хорошее.

— Конечно. Ты даже встретил спонсора вроде меня.

Этот парень никогда не упускает возможности уколоть. Дэниел быстро заметил ещё один изъян Алека.

— Если бы у тебя «ничего не было», все бы смеялись. Как ты вообще можешь так говорить? По крайней мере в этом сезоне ты на коне благодаря спонсору вроде меня.

Суженные глаза мужчины стали твёрдыми, как у моряка, расправляющего паруса перед штормом.

— Свергай кого хочешь, делай что пожелаешь. Только не забывай продолжать меня развлекать — своего спонсора.

— Кажется, в контракте такого не было.

— В этом-то и дело. Просто продолжай делать то, что делаешь.

Была ли хищная жестокость, скрытая в его улыбке, инстинктом охотника? Это была острота, способная глубоко ранить, если не быть осторожным, — словно лезвие, внезапно вошедшее в повседневность.

— У меня всего в избытке, поэтому мне быстро и легко становится скучно.

Он прошептал это на таком расстоянии, что их носы могли бы соприкоснуться, если бы он наклонился чуть ближе. Его голос звучал мягко и сладко, словно колыбельная из сна.

Но, несмотря на мягкий тон, Алек явно обозначал границы и выдвигал требования.

— Так что продолжай доказывать, что ты быстрее всех на трассе. Сделай это настолько захватывающе, чтобы я не мог отвести взгляд. Погружусь ли я в этот безумно дорогой спорт, зависит именно от этого.

Раздался сигнал, и все огни в салоне погасли. Солнце, опускавшееся на западе, скрылось за облаками, и тишина будто сама собой стала для всех привычной.

Насытившиеся пассажиры укрылись одеялами и откинули кресла, чтобы вздремнуть и развеять скуку. Но бирюзовые глаза продолжали гореть, как маяк, не дрогнув ни на мгновение.

<http://bllate.org/book/17841/1719156>